

Б. В. АНАНЬИЧ, Р. Ш. ГАНЕЛИН

Николай II *

На страницах сочинений о России начала XX в. Николай II занимает место не политика и мыслителя, а скорее последнего представителя покидавшей историческую сцену династии, человека трагической судьбы, проникнутого мистическим чувством обреченности **.

Старший сын цесаревича Александра Александровича, ставшего в 1881 г. императором Александром III, и его жены Марии Федоровны, дочери датского короля Христиана IX, до замужества принцессы Марии-Софии-Фридерики-Дагмары, Николай родился

* Впервые: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Николай II // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 58–76. Печатается по этому изданию.

Ананьич Борис Васильевич (р. 1931) — советский и российский ученый-историк, академик Российской академии наук (1994, член-кор. с 1990). Главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. Приоритетными направлениями научной деятельности Б. В. Ананьича являются экономическая и политическая история России и история международных отношений.

Ганелин Рафаил Шоломович (1926–2014) — советский и российский ученый-историк. Член-корреспондент РАН (с 1991). Главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. Приоритетными направлениями научной деятельности Р. Ш. Ганелина являются история русско-американских отношений в конце XIX — начале XX в., история России конца XIX — начала XX в., историография, источниковедение, история исторической науки в Российской империи и СССР. — *Примеч. сост.*

** См. его характеристику в статье Л. Г. Захаровой «Кризис самодержавия накануне революции 1905 г.» (Вопросы истории. 1972. № 8. С. 119–140), а также: *Уортман Р.* Николай II и образ самодержавия // История СССР. 1991. № 2.

6 мая 1868 г. в Царском Селе. В этот день был устроен торжественный салют в Петербурге и Царском Селе. По установленной традиции рождение великих князей отмечалось 301 выстрелом, а княжен — 201. На этот раз в Санкт-Петербургской крепости салютовали 40 орудий. 30 мая в Придворной церкви Большого Царскосельского дворца состоялся обряд крещения великого князя. В этот день ему были пожалованы ордена Андрея Первозванного с цепью, Александра Невского, Белого Орла, Анны I степени и Станислава I степени. Со дня рождения начался отсчет воинской службы будущего императора. Приказом Александра II он был зачислен во все полки и отделения лейб-гвардии, в которых состоял его отец, а также назначен шефом 65-го пехотного Московского полка. В 7-летнем возрасте он был произведен в прапорщики лейб-гвардии Преображенского полка. Год спустя в связи со 150-летним юбилеем Академии наук избран ее почетным членом.

Учебные занятия наследника престола начались в 1877 г. под руководством генерал-адъютанта Г. Г. Даниловича, в прошлом инспектора классов кадетского корпуса и директора военной гимназии. Для начального обучения он составил расписание, рассчитанное на 24 урока в неделю: по четыре урока на русский язык, арифметику и чистописание, по три урока на английский и французский языки и по два — на Закон Божий, историю и рисование. Шесть дней в неделю с 9 часов утра и до 5 часов вечера наследник престола должен был заниматься полных четыре часа с перерывами на завтрак, для прогулки на воздухе, гимнастических упражнений. Это расписание, похоже, оказало влияние и на деловой распорядок дня императора Николая II.

Общий план занятий был рассчитан на 12 лет. Первые восемь отводились курсу гимназии с заменой древних языков основами минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии и расширением изучения политической истории, русской литературы, французского и немецкого языков. Последние четыре года, к которым пришлось добавить еще один, были посвящены «курсу высших наук» — военных, юридических и экономических. Религиозное образование давал цесаревичу протоиерей И. Л. Янышев, духовник царской семьи. Экономические науки преподавал проф. Н. Х. Бунге, министр финансов, мыслитель либерально-реформаторского направления, а юридические — К. П. Победоносцев, ведущий идеолог консерватизма, который обучал праву нескольких великих князей и среди них — будущего

Александра III. Международное право вел М. Н. Капустин. Политическую историю преподавал Е. Е. Замысловский, читавший курс русской истории в Петербургском университете и историко-филологическом институте, автор ряда исследований об иностранных известиях о Московской Руси, большой знаток источников. Н. Н. Бекетов читал химию.

Особенно насыщен был военный цикл, предметы которого вели наиболее выдающиеся представители различных отраслей военной науки — Н. Н. Обручев (военная статистика, или военная география, дававшая всестороннее географическое, этнографическое, военно-экономическое и политическое знание возможных театров военных действий), М. И. Драгомиров (боевая подготовка войск), Г. А. Леер (стратегия и военная история), Н. А. Демьяненко (артиллерия), П. Л. Лобко (военная администрация), О. Э. Штубендорф (геодезия и топография), П. К. Гудима-Левкович (тактика), Ц. А. Кюи (фортификация), А. К. Пузыревский (история военного искусства).

В 1884 г., когда Николаю Александровичу исполнилось 16 лет, он был произведен в поручики и стал почетным членом Русского археологического общества, Петербургского и Московского университетов. Для прохождения строевой службы и ознакомления с военным бытом он дважды проходил лагерные сборы в Преображенском полку, исполняя обязанности сначала субалтерн-офицера («полуротного», то есть младшего офицера в роте), а затем ротного командира. Два летних сезона он нес кавалерийскую службу в качестве взводного офицера и эскадронного командира в гусарском полку, один лагерный сбор служил в артиллерии и до занятия престола командовал первым батальоном Преображенского полка в чине полковника. Состоящим в этом чине Николай II считал себя и находясь на троне. В полковники он был произведен в 1892 г.

С 1889 г. для ознакомления с управлением государством цесаревич стал участвовать в работе Государственного совета и Комитета министров. В этих же целях он сопровождал отца в поездках по стране, а с октября 1890 до августа 1891 г. совершил путешествие на Дальний Восток — туда морем*, а обратно сухим путем,

* Встретившись в Коломбо с вел. кн. Александром Михайловичем, охотившимся в джунглях на слонов, цесаревич позавидовал ему, а о своей поездке с горечью сказал, что она бессмысленна. «Дворцы и генералы одинаковы во всем мире, — объяснил он, — а это единственное, что мне показывают. Я с одинаковым успехом мог бы остаться дома» (*Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Т. II. Париж, 1933. С. 169.*)

через Сибирь, приняв участие во Владивостоке в открытии работ по сооружению Транссибирской железной дороги. В связи с этой поездкой наследника престола царским указом была объявлена частичная амнистия отбывавшим наказание в Сибири. В конце 1891 г. Николай Александрович был назначен председателем Особого комитета для помощи нуждающимся в неурожайных местностях, а в 1892 г. возглавил комитет Сибирской железной дороги.

В апреле 1894 г., когда Александр III был уже тяжело болен, Николай был помолвлен с 22-летней принцессой Алисой, дочерью великого герцога Гессенского, внучкой английской королевы Виктории и сестрой великого герцога Гессен-Дармштадтского Эрнста-Людвига. Невеста прибыла в Россию за полторы недели до кончины Александра III, последовавшей 20 октября. На следующий день, 21-го, она приняла православие с именем Александры Федоровны, а 14 ноября состоялось бракосочетание.

Смена царствования в России почти всегда была связана с надеждами в обществе на перемены либерального свойства, на дарование свобод. Печать и общество искали малейшего повода для подобных надежд и готовы были видеть его даже в таком незначительном эпизоде, как покупка Николаем Александровичем для своей невесты перчаток в магазине на Невском проспекте. Это событие стало достоянием не только русской, но и европейской печати и трактовалось как свидетельство демократичности молодого императора*.

Однако Николай II вступил на престол с твердым намерением строго следовать политическому курсу своего отца. Уже на торжественном приеме депутатов, прибывших с поздравлениями на бракосочетание, 17 января 1895 г., Николай II предостерег против «бессмысленных мечтаний об участии представителей земства в делах внутреннего управления». «Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель», — заявил он. Это был ответ нового царя тверскому земству, намекнувшему на возможность конституционной перспективы. Встреча с царем произвела тягостное впечатление на большинство участников церемонии.

* *Ведерников В. В.* Проблема представительства в русской публицистике рубежа XX столетия. Канд. дис. Л., 1983. С. 62.

Один из присутствовавших на приеме рассказывал: «Вышел офицерик, в шапке у него была бумажка; начал он что-то бормотать, поглядывая на эту бумажку, и вдруг вскрикнул: “бесмысленными мечтаниями” — тут мы поняли, что нас за что-то бранят, ну к чему же лаяться?»*

Речь царя вызвала не только разочарование, но и недовольство либеральных кругов общества, подтолкнула процесс их консолидации. Выступление Николая II получило полное одобрение только Победоносцева в России и Вильгельма II в Германии. Накануне коронации Победоносцев опубликовал трактат в защиту национального характера самодержавия. Многие страницы этого труда были посвящены обличению буржуазной демократии, механизма «парламентского лицедейства» и доказательству того, что всякая конституция — «великая ложь нашего времени»**.

Сохранение в неприкосновенности самодержавного принципа правления было символом веры царственной четы, искренне убежденной в божественном происхождении своей власти. Вел. кн. Александр Михайлович, подтверждая распространенное мнение о влиянии на царя Победоносцева, писал: «Его циничный ум влиял на молодого императора в том направлении, чтобы приучить его бояться всех нововведений»***. Но в этом немалую роль играла и Александра Федоровна и по свойствам своего характера (близкая к царской семье в течение многих лет А. А. Вырубова считала, что императрица лучше, чем муж, понимала людей и не могла не замечать лести и вероломства лиц из царского окружения****), и как неофитка православия, и вследствие особенностей того положения, которое она заняла в царской фамилии. Вообще подозрительность по отношению к различным даже кажущимся поползновениям против абсолютности царской власти была присуща им обоим. Действия не только демократов или либералов имелись здесь в виду, но и родственников. Впоследствии их стали называть «великокняжеской партией» по саркастической аналогии с оппозиционными монархии политическими

* Ламздорф В. Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 126.

** Московский сборник. М., 1896. С. 34–35, 41–42.

*** Вел. кн. Александр Михайлович. Указ. соч. С. 178.

**** Вырубова А. А. Неопубликованные воспоминания // Новый журнал. Т. 131. Нью-Йорк, 1978. С. 178.

партиями. В день смерти Александра III его наследник говорил вел. кн. Александру Михайловичу: «Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем. Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами»*.

Император был главой царской фамилии, в которую входило свыше 40 его родственников, в том числе дяди. По словам Александра Михайловича, в течение первых 10 лет Николай II выслушивал их советы и указания «с чувством, скорее всего приближающимся к ужасу». «Он боялся оставаться наедине с ними, — писал Александр Михайлович. — ...Они всегда чего-то требовали. Николай Николаевич воображал себя великим полководцем. Алексей Александрович повелевал морями. Сергей Александрович хотел бы превратить Московское генерал-губернаторство в собственную вотчину. Владимир Александрович стоял на страже искусства. Все они имели каждый своих любимцев среди генералов и адмиралов, которых надо было производить и повышать вне очереди, своих балерин, которые желали бы устроить русский сезон в Париже, своих удивительных миссионеров, жаждущих спасти душу императора, своих чудодейственных медиков, просящих аудиенции, своих ясновидящих старцев, посланных свыше... и т. д.»**

Среди великих князей были, впрочем, люди, пользовавшиеся общественным признанием, такие как известный историк Николай Михайлович, франкофил и поклонник парламентаризма, боявшийся, однако, что его введение в России окажется неудачным, поэт Константин Константинович. Александр Михайлович считал весьма опытным в делах государственного управления своего отца Михаила Николаевича, председателя Государственного совета и генерал-инспектора артиллерии, в течение 20 с лишним лет возглавлявшего администрацию на Кавказе, усвоившего, однако, манеру беспрекословного подчинения всему, что говорил и делал царь***.

Один из острых конфликтов внутри царской семьи разразился из-за катастрофы на Ходынском поле в Москве во время коронационных торжеств 1896 г., когда пострадало более 2600 человек, из которых 1389 умерло. Младшие великие

* Вел. кн. Александр Михайлович. Указ. соч. С. 171.

** Там же. С. 174–175.

*** Там же. С. 136.

князя, четверо сыновей Михаила Николаевича, требовали прекращения торжеств и немедленной отставки Сергея Александровича, которого поддерживали старшие члены императорской фамилии. Николай Михайлович предостерегал царя против поездки на бал к французскому посланнику. Однако Николай II появился на балу. «Сияющая улыбка на лице великого князя Сергея заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы лишились рассудка», — писал впоследствии Александр Михайлович*.

Николай II вступил на престол, не имея четкой внутриполитической программы. Это вносило дезорганизацию в работу государственного аппарата. Поскольку в России не было объединенного правительства, политический курс выработывался в результате соперничества министров и определялся политикой министерств, в первую очередь финансов и внутренних дел как обеспечивавших экономическое могущество и внутреннюю безопасность империи. В начале царствования Николая II влиянием на него пользовались обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, председатель Комитета министров И. Н. Дурново, министр финансов С. Ю. Витте, а также И. Л. Горемыкин, назначенный в 1895 г. министром внутренних дел.

Горемыкин был человек хотя и неглупый, но «до крайности ленивый... легкомысленный и самоуверенный». Он «принялся за дело без определенного плана», руководствуясь общим правилом: «угождать велениям сверху, как бы часто они ни менялись»**. Стремление «удержаться на месте» и угодить уживалось в нем с достаточно циничным отношением не только к другим представителям высшей бюрократии, но и к самому Николаю II. Когда управляющий делами Комитета министров А. Н. Куломзин обвинил Горемыкина в том, что тот не представил вовремя объяснения «по отметкам государя на отчетах» Министерства внутренних дел, Горемыкин заявил: «Да что же нам отвечать на всякую его мазню»***. В конце 1890-х гг. Горемыкин открыто жаловался военному министру А. Н. Куропаткину на «внутреннюю неурядицу», обвиняя в ней прежде всего царя.

* Там же. С. 174.

** *Куломзин А. Н.* Пережитое (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1642. Оп. 1. Д. 195. Л. 108).

*** Там же. Л. 111.

Витте отзывался о царе как о человеке «без твердой еще воли», малоподготовленном, решавшем все «сплеча», не осмыслив «значения подготовительной работы к тому или иному решению».

Великий князь Михаил Николаевич наставлял в декабре 1897 г. Куропаткина, принимавшего от П. С. Ванновского Военное министерство, что «надо все дела улаживать, не доводя до решения государя». «Забот вам будет много, — говорил он Куропаткину, — министры идут вразлад. Каждый стремится обойти в законе указанный путь»*. Куропаткин пользовался расположением царской семьи. Его часто приглашали к завтраку.

Александра Федоровна в первые годы царствования почти не говорила по-русски, хотя хорошо понимала русскую речь. В обучении ее языку принимал участие сам царь. Вечерами он читал жене «Войну и мир» Л. Н. Толстого, «Тараса Бульбу» Н. В. Гоголя или сочинения Н. К. Шильдера о царствовании Александра I. Николай II шутливо приказал Куропаткину разговаривать с Александрой Федоровной только по-русски. Но когда в декабре 1898 г. Куропаткин попытался обратиться к царице по-русски, она ответила ему по-французски, «что ее успехи в русском языке ничтожны, что ей учиться трудно»**. Правда, через несколько лет она говорила по-русски уже свободно.

Описание встреч с царской семьей заняло значительное место в дневнике Куропаткина, а свои доклады Николаю II в качестве начальника Закаспийской области, а затем и военного министра, он воспроизвел не только с существенными подробностями, но и с пересказом диалогов. В них царь выглядит скорее хорошо осведомленным и живым собеседником, чем крупным государственным деятелем, имевшим продуманную военную и внешнеполитическую программу. Впрочем, он определенно держался, по крайней мере, двух принципов: Россия должна наращивать свое влияние на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке и «прав был Николай I», когда говорил, что «где стоит русская нога, оттуда уходить нельзя». Однако царь внимательно выслушивал Куропаткина, предостерегавшего против военных авантюр, и часто соглашался с его доводами.

* Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 28–29.

** Дневник А. Н. Куропаткина. Копии. 1897–1902 гг. (Российский военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 165. Оп. 1. Д. 1871. Л. 20, 25, 40).

Когда на вопрос Николая II: «Что нам делать в Афганистане?» Куропаткин решительно заявил, «что... не надо брать ни пяди афганской земли», царь не только согласился с этим, но даже прибавил: «Пойти вперед легко, остановиться трудно». Куропаткин рассказал о «физических и этнографических» особенностях условий войны в Афганистане, «неизбежности борьбы с горским населением... несовпадении границ топографических с этнографическими», отсутствии дорог и неминувности в случае войны огромных расходов. Николай II отнесся и к этим разъяснениям с полным пониманием, добавив от себя: «Значит, должен будет платить все тот же русский мужик»*.

Куропаткин и царь разошлись, однако, во взглядах на проблему проливов. Царь, как известно, дал втянуть себя осенью 1896 г. в сомнительный проект захвата Босфора. Проект этот был провален только благодаря активному противодействию Витте, поддержанному Победоносцевым. Однако Николая II не покидала заманчивая мысль овладеть «одновременно Босфором и Дарданеллами». Куропаткин принадлежал к числу сторонников захвата Босфора, но убеждал царя, что захват Дарданелл опасен и может привести к европейской войне. Николаю II казалось, что захват проливов — «дело нескольких часов». «Вы убедили меня наполовину в том, что нам пока Дарданеллы не нужны», — возразил он на доводы Куропаткина**.

К концу 1890-х годов в правительственной политике доминирующим стало влияние Витте. Он выступил с программой ускоренной модернизации российской экономики. Министр финансов обещал, что в результате проведения намеченных им реформ в течение ближайших 10 лет Россия догонит развитие в промышленном отношении страны Европы. Он ввел в стране золотое денежное обращение, широко открыл доступ в экономику иностранным капиталам, провел мобилизацию внутренних ресурсов за счет усиления косвенного налогообложения и с помощью казенной винной монополии, обеспечил таможенную защиту русской промышленности. Опираясь в Европе на франко-русский союз, царское правительство начало активную экономическую экспансию на Дальнем и Среднем Востоке с целью захвата рынков для развивавшейся русской индустрии.

* Там же. Д. 1769. Л. 170–172.

** Там же. Д. 1871. Л. 31.

В проведении своего курса Витте, конечно, пользовался поддержкой Николая II. Царь принял его экономическую программу потому, что она должна была укрепить экономическое могущество России, не затрагивая основ самодержавной системы государственного управления. Однако попытки Витте в 1898 г. добиться пересмотра аграрного курса правительства встретили решительное противодействие его противников в Министерстве внутренних дел и не получили одобрения Николая II. К 1902 г. с назначением В. К. Плеве на пост министра внутренних дел влияние Витте начало падать. В августе 1903 г. он был отстранен от должности министра финансов и назначен на малозначительный пост председателя Комитета министров. Инициатива в определении политического курса перешла к Министерству внутренних дел. Витте и министр иностранных дел В. Н. Ламздорф стали утрачивать свое влияние и на проведение политики продвижения России на Дальнем Востоке — в Маньчжурии и Корее. Ее рычаги оказались в руках «безобразовской шайки», как называл Витте группу лиц во главе со статс-секретарем А. М. Безобразовым, не занимавших официальных постов, но пользовавшихся влиянием на царя. Необычайно возросшее в царствование Николая II «вневедомственное влияние» было одним из проявлений очевидного кризиса власти.

Уже в самом начале своего правления, когда царь оглядывался на мать, вдовствующую императрицу Марию Федоровну, а императрица Александра Федоровна была этим явно недовольна, возникли неприязненные отношения между нею и многочисленными сторонниками Марии Федоровны. Они обострялись благодаря тому, что Александре Федоровне не удавалось добиться такой популярности, которой продолжала пользоваться ее свекровь. Молодая царица говорила: «Императрицу Марию Федоровну любят потому, что императрица умеет вызывать эту любовь и свободно чувствует себя в рамках придворного этикета; а я этого не умею, и мне тяжело быть среди людей, когда на душе тяжело»*. При этом Александра Федоровна была убеждена во всемогуществе императорской власти. Однажды она потребовала, чтобы в издающемся в Германии знаменитом международном справочнике «Готский альманах» в рубрике «Россия» не печат-

* *Жевахов Н. Л.* Воспоминания. Первый том. Мюнхен, 1923. С. 305 (в книге ошибочно 350).

тали: «династия Гольштейн-Готторп-Романовых». В редакцию было послано письмо, но оттуда ответили, что Павел I был сыном герцога Петра Гольштейн-Готторпского. Тогда Александра Федоровна потребовала запретить ввоз альманаха в Россию, несмотря на его самый легитимистский характер, но сделать это — означало вызвать общеевропейский скандал*.

Как и все отношения в царской фамилии, положение в ней Александры Федоровны не могло не отражаться на поведении царя. Однако не только этим определялись его скрытность, уклончивость в решении дел, стремление избегать открытой полемики или политической борьбы, а вместо этого объявить о своем решении тому или тем, кого оно касалось, в самый последний момент, — все те черты, которые давали современникам основания говорить о его византийстве. «Я всегда во всем со всеми соглашаюсь, а потом делаю по-своему», — признался он однажды.

«Николай II, — писал генерал А. А. Мосолов, начальник канцелярии Министерства двора в 1900–1917 гг., — не любил спорить, отчасти вследствие болезненно развитого самолюбия, отчасти из опасения, что ему могут доказать неправоту его взглядов или убедить других в этом, а он, сознавая свое неумение защитить свой взгляд, считал это для себя обидным. Этот недостаток природы Николая II и вызывал действия, считавшиеся многими фальшью, а в действительности бывшие лишь проявлениями недостатка гражданского мужества... Он увольнял лиц, даже долго при нем служивших, с необычайной легкостью. Достаточно было, чтобы... начали клеветать, даже не приводя никаких фактических данных, чтобы он согласился на увольнение такого лица. Царь никогда не стремился сам установить, кто прав, кто виноват, где истина, а где навет... Менее всего склонен был царь защищать кого-нибудь из своих приближенных или устанавливать, вследствие каких мотивов клевета была доведена до его, царя, сведения. Как все слабые натуры, он был недоверчив»**.

Прямое проявление силы характера было для Николая II непростым делом. Вот что писала А. Вырубова о том, как он преодолел «бунт» министров против снятия вел. кн. Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего и принятия им этих обязанностей на себя: «Я обедала у Их Величеств

* Мосолов А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 98–99.

** Там же. С. 72.

до заседания, которое назначено было на вечер. За обедом государь волновался, говоря, что какие бы доводы ему ни представляли, он останется непреклонным. Уходя, он сказал нам: “Ну, молитесь за меня!” Помню, я сняла образок и подала ему в руки. Время шло, императрица волновалась... пробило 11 часов, а он все еще не возвращался... Уже подали чай, когда вошел государь, веселый, кинулся в свое кресло и, протянув нам руки, сказал: “Я был непреклонен, посмотрите, как я вспотел!”. Передавая мне образок и смеясь, он продолжал: “Я все время сжимал его в левой руке. Выслушав все длинные скучные речи министров, я сказал приблизительно так: “Господа! Моя воля непреклонна, я уезжаю в ставку через два дня!” Некоторые министры выглядели как в воду опущенные!”»*.

Победоносцев считал его не терпящим «общих вопросов», способным оценить «значение факта лишь изолированного, без отношения к остальному, без связи с совокупностью других фактов, событий, течений, явлений». Сам Николай II признался однажды Куропаткину, «что он тяжело мучается, выбирая из всего слышанного нужное», «что ему тяжело приходится напрягать ум» и «он думает, что это усилие ума, если бы могло проходить в лошадь (когда он на ней сидит), то очень встревожило бы ее»**. Такого рода высказывания, утрированные и обобщенные публицистической традицией, создали Николаю II репутацию человека не очень умного.

Однако, по свидетельству многих современников, царь обладал хорошей памятью, имел неплохое гуманитарное образование, интересовался археологией и литературой, знал историю церкви и разбирался в богословских вопросах. «Мои личные беседы с царем, — писал известный русский ученый-правовед А. Ф. Кони, — убеждают меня в том, что это человек несомненно умный, если только не считать высшим развитием ума разум как способность обнимать всю совокупность явлений и условий, а не развивать только свою мысль в одном исключительно направлении. Можно сказать, что из пяти стадий мыслительной способности человека: инстинкта, рассудка, ума, разума и гения, он обладал лишь

* Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С. 156–159.

** Цит. по: Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1955. С. 163–164.

средним и, быть может, бессознательно первым... Встречи с ним как с полковником Романовым в повседневной жизни могли быть не лишены живого интереса»*.

Особенности поведения и образа действий Николай II, как считали многие из его окружения, в значительной мере определялись сомнениями в своей государственной опытности и отсутствием царственного облика. Он унаследовал от матери невысокий рост. Христосуясь на Пасху с солдатами, Николай II «должен был подниматься на цыпочки, чтобы поцеловаться с рослым гвардейцем, а тот бережно нагибался к императору»**. Именно поэтому, вероятно, министр двора В. Б. Фредерикс, по словам Мосолова, всегда настаивал, чтобы Николай II показывался толпе преимущественно на лошади. «Несмотря на свой небольшой рост, — писал Мосолов, — Николай Александрович был замечательным кавалеристом и верхом производил, действительно, более величественное впечатление, нежели пешком»***. Между тем другие Романовы отличались высоким ростом, особенно царственной внешностью обладал Александр III. Этому облику соответствовала и репутация всемогущего государя. Николай II, по словам Александра Михайловича, «с тоской смотрел на портрет своего отца, жалея, что не умел говорить языком этого грозного первого хозяина России»****.

Лучше всего царь чувствовал себя в частной жизни. В царской семье одна за другой рождались дочери: в 1895 г. — Ольга, в 1897 г. — Татьяна, в 1899 г. — Мария и в 1901 г. — Анастасия. Ждали наследника престола. В 1904 г. родился сын Алексей, но оказалось, что он неизлечимо болен гемофилией. Эта наследственная болезнь, которая поражает мужчин, но передается по женской линии, была распространена в английском королевском доме и называлась «викторианской». Семейная трагедия усугубила такие черты характера Александры Федоровны, как истеричность и фанатическая религиозность со склонностью к суевериям, строжайший пуризм*****.

* Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 2. М., 1966. С. 377.

** Вырубова А. А. Указ. соч. // Новый журнал. Т. 130. С. 136.

*** Мосолов А. Указ. соч. с. 70.

**** Вел. кн. Александр Михайлович. Указ. соч. С. 175–176.

***** Дочерям Александра Федоровна не разрешала даже самого легкого флирта (Вырубова А. А. Указ. соч. // Новый журнал. Т. 130. С. 141).

По впечатлениям Куропаткина, Александра Федоровна уже в начале царствования принимала активное участие в решении важных государственных дел и выступала советчицей даже по весьма, казалось бы, далеким от ее интересов вопросам. Она оказывала влияние на решения и поступки мужа в различных сферах государственного управления. Об этом свидетельствуют их переписка и воспоминания современников. Важнее было другое — общий для них обоих строй мышления, с психологической опорой на промысел божий, но и, нельзя этого игнорировать, с верой в юродивых и шарлатанов, появившихся при дворе — от французского лжеврача Филиппа до Григория Распутина*.

Объясняя свои упования на собственную интуицию в государственных делах, Николай II в 1907 г. написал П. А. Столыпину: «Возвращаю Вам журнал Совета министров по еврейскому вопросу (Совет министров предлагал отмену некоторых ограничений в правах для евреев. — Б. А., Р. Г.) не утвержденным... Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу — внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала, поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям. Я знаю, Вы тоже верите, что “сердце Царево в руцех Божиих”... Да будет так. Я несу за все власти, мною поставленные, великую перед Богом страшную ответственность и во всякое время готов дать Ему в том ответ». «Ни в одном из документов, находившихся в моих руках, — писал В. Н. Коковцов, многолетний министр финансов и преемник Столыпина на посту председателя Совета министров, — я не видел такого яркого проявления того мистического настроения в оценке

* Г. Е. Распутин (Новых) появился при дворе вскоре после взрыва, произведенного эсерами на даче Столыпина 16 октября 1906 г., в результате которого пострадала его дочь. Николай II писал ему в тот день: «Петр Аркадьевич! На днях я принимал крестьянина Тобольской губернии Григория Распутина, который поднес мне икону Св. Самсона Верхотурского. Он произвел на Ее Величество и на меня замечательно сильное впечатление, так что вместо пяти минут разговор с ним длился более часа. Он в скором времени уезжает на родину. У него сильное желание повидать вас и благословить вашу больную дочь иконой. Очень надеюсь, что вы найдете минутку принять его на этой неделе. Адрес его следующий: СПб. 2-я Рождественская 4. Живет у священника Ярослава Медведя» (Возрождение. 1957. 63. С. 137).

существа своей царской власти, которое выражается в этом письме государя своему председателю Совета министров»*.

Упование на Бога сочеталось у Николая II с наивной верой в то, что простой народ бесконечно предан своему царю. Даже события 1905–1907 гг. не поколебали этой уверенности сколько-нибудь существенно. При обсуждении летом 1905 г. положения о выборах в Государственную думу один из консервативных сановников предложил исключить грамотность как условие для избрания в Думу. «Неграмотные мужики, — говорил он, — будь то старики или молодежь, обладают более цельным мирозерцанием, нежели грамотные». Несмотря на замечание Коковцова, что неграмотность не предохранит крестьян-депутатов от революционных влияний («они будут только пересказывать эпическим слогом то, что им расскажут или подскажут другие»), царь предпочел неграмотных крестьян с «цельным мировоззрением»**.

После манифеста 17 октября 1905 г., провозгласившего создание законодательного представительства и предоставление политических свобод, Николай II манифестом 3 ноября уменьшил наполовину на 1906 г. выкупные платежи по реформе 1861 г. и отменил их вовсе с 1907 г. По его мнению, это было «несравненно существеннее, чем те гражданские свободы, которые на днях дарованы России»***. В этом, конечно, было рациональное зерно. Однако вера в крестьянский цезаризм, как и вообще в беззаветную любовь простого народа к царской семье, питалась потоком верно-подданнических адресов, по большей части инспирированных властями или общественными организациями монархического толка, а также впечатлениями Александры Федоровны и Ни-

* Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Т. 1. Париж. 1933. С. 238–239. Покровительство Николая II черносотенным организациям, немало способствовавшим его политической дезориентации, стяжало ему репутацию антисемита. В. Л. Бурцев отчасти приписывает антисемитизм царя влиянию Александра III. Сильное впечатление произвела на Николая II фальшивка «Протоколы сионских мудрецов». Когда же экспертиза, произведенная по поручению Столыпина в Департаменте полиции, доказала подложность «Протоколов», а лидеры черносотенцев тем не менее добивались разрешения на их использование в своей пропаганде, царь написал: «Протоколы изъять. Нельзя чистое дело защищать грязными способами» (Бурцев В. Л. «Протоколы сионских мудрецов». Доказанный подлог. Париж, 1938. С. 106).

** Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Пг., 1917. С. 156–158.

*** Кризис самодержавия в России. С. 249.

колая II от парадных встреч при поездках по стране и особенно посещений святых мест.

Печать как источник, отражающий общественное мнение, не играла для царя большой роли. Но использование ее как средства формирования общественного мнения его интересовало. В 1905–1906 гг., по словам А. А. Спасского-Одынца, секретаря председателя Совета министров Витте, Николай II читал консервативные «Новое время» и «Свет», а также, «как это не покажется удивительным», либеральные «Биржевые ведомости». Об остальных он отзывался: «паршивцы», «дряни» и еще крепче... Их кто-то для Его Величества прочитывал, — вероятнее всего, генерал Трепов. Об этом можно судить по тем отметкам на страницах, которые посылались председателю Совета министров, как, например: «Сергей Юльевич! Неужели мое правительство так беспомощно, что не имеет законных средств посадить на скамью подсудимых эту революционную с...?» — особенно четко выписывалось последнее слово. Все это послужило основанием для выпуска газеты «Русское государство» как вечернего приложения к «Правительственному вестнику»... Это была четвертая газета, которую внимательно читал государь*.

Дворцовый уклад жизни и охрана мешали соприкосновению царской семьи с действительностью. Правительственный аппарат в лице министров и губернаторов да несколько лиц, пользовавшихся особым доверием царя, например князь В. П. Мещерский, агроном А. А. Клопов, были теми, у кого царь осведомлялся о различных сторонах российской жизни. Ни он, ни члены его семьи не имели сколько-нибудь полного представления о стоимости денег. Только за границей они сами делали покупки, в России все их счета оплачивались казначейством. Царские дети были удивлены, получив однажды в лавке сдачу. Они хотели знать, почему лавочник не взял себе всех денег.

На каждый год Николай II мог получать около 20 млн рублей. Сумма эта складывалась из ассигнований на содержание императорской семьи из средств казначейства (11 млн руб.), доходов от удельных земель и процентов с хранившихся за границей капиталов. Но на содержание царской фамилии, многочисленных дворцов-резиденций, а также Гатчинского и Большого Крем-

* Воспоминания А. А. Спасского-Одынца находятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке.

левского дворца в Москве с их многочисленным штатом, на императорские театры, приемы и балы уходило так много средств, что на личные нужды царю оставалось около 200 тыс. руб. в год. Хранившиеся в Англии со времен Александра II 200 млн руб. Николай II не трогал. Он израсходовал их лишь во время Первой мировой войны на нужды пострадавших семей и раненых. Но незадолго до войны министр двора Фредерикс перевел в Берлин 7 млн руб. из оставшихся нетронутыми пенсий царских детей*.

20 тыс. руб. в год составляли «собственные суммы — на комнатные расходы» царя. Эти деньги тратились на гардероб, подарки, награды, разного рода пособия и пожертвования. Кроме того, в личном распоряжении царя находился так называемый экономический капитал. На 1 января 1896 г. он составлял более 2 млн руб. и 355 тыс. франков**. Николай II держал значительное количество облигаций внутренних и железнодорожных займов, 4% ренты и других ценных бумаг. У царя имелся также текущий счет в Волжско-Камском банке***.

Жизнь царской семьи в значительной мере отравляла охрана — в первую очередь из-за того, что главным объектом наблюдения оказывалась именно она. «Государыня в особенности тяготилась и протестовала против этой “охраны”; она говорила, что государь и она хуже пленников, — писала А. Вырубова. — Каждый шаг Их Величеств записывался, подслушивались даже разговоры по телефону. Ничто не доставляло Их Величествам большего удовольствия, как “надуть” полицию, когда удавалось избег-

* По-видимому, именно эти деньги пытался получить у гитлеровских властей из банка Мендельсона глава русского «правительства» при вел. кн. Кирилле Владимировиче, а затем руководитель гитлеровского ведомства по делам русской эмиграции генерал В. В. Бискупский. Он ссылаясь при этом на заключенное им с генералом Людендорфом в начале 20-х годов соглашение о русско-германском разделе Европы, которому предшествовало получение Людендорфом денег из русских эмигрантских источников. И хотя Бискупский подчеркивал, что пакт Молотова — Риббентропа не противоречит этому соглашению, его ходатайства были отклонены (*Laqueur W. Russia and Germany. Lnd. 1965. P. 109, 340; Williams R. C. Culture in exile. Itaca — Lnd. 1972. P. 349–350*).

** Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 1707. Л. 3–5; Д. 1718. Л. 3.

*** На 1 января 1903 г. «экономический капитал» составлял более 1484 тыс. руб., а на текущем счету Волжско-Камского банка находилось около 85 тыс. рублей (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1732. Л. 1–6, 9).

нуть слезки»*. Охрана, которой ведал дворцовый комендант, включала дворцовую полицию, конвой и сводный полк. Велась запись всех проходивших во дворец, о каждом из них докладывали по телефону начальству. Каждый встреченный царем или царицей во время прогулки, с которым они обменялись несколькими словами, подвергался затем агентами охраны опросу.

Считалось, что царя охраняют от террористов. Однако между ними и Департаментом полиции существовала подчас тесная связь. Начальник Петербургского охранного отделения А. В. Герасимов после революции 1905–1907 гг. давал согласие на приезд царя из загородной резиденции в столицу, лишь получив от Е. Азефа — руководителя боевой организации эсеров и одновременно агента Департамента полиции — заверение, что его боевиков в этот день в Петербурге не будет. Таким образом, безопасность царя в большой степени оказывалась в руках провокатора. Мало того, угроза могла исходить и от руководства охраны.

Директор Департамента полиции А. А. Лопухин вспоминал свой разговор с Витте, состоявшийся в 1903 г. Только что смещенный со своего поста министр финансов говорил, конечно, полунамеками, но вот смысл сказанного: «У директора Департамента полиции ведь, в сущности, находится в руках жизнь и смерть всякого, в том числе и царя, — так нельзя ли дать какой-нибудь террористической организации возможность покончить с ним; престол достанется его брату (тогда еще у Николая II не было сына. — Б. А., Р. Г.), у которого я, С. Ю. Витте, пользуюсь фавором и перед которым могу оказать протекцию и тебе»**. Уже одно то, что Лопухин считал возможным подобный разговор и готов был выслушивать намеки Витте, свидетельствует о нравах, царивших в Департаменте полиции. Б. В. Никольский, один из лидеров черносотенных организаций, пользовавшийся доверием Николая II, но недовольный его политикой, размышлял не только о возможности его свержения, но и о «чем-нибудь сербском», имея в виду убийство сербского короля Александра Обреновича и его жены Драги 29 мая 1903 г. в результате заговора офицеров***.

* Фрейлина Ее Величества. С. 162.

** Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. М.; Пг., 1923. С. 73.

*** Никольский Б. В. Из дневника 1905 г. // Красный архив. 1934. № 2 (63). С. 71–83.

Царская чета жила в атмосфере подозрительности и недоверия. Николай II не без основания сомневался в искренности министров, обычно не прочь был столкнуться их лбами, следил за тем, что они говорили или писали. Дневники и другие бумаги министров обычно конфисковывались после их смерти. Часть дневников министра внутренних дел Д. С. Сипягина царь уничтожил, возложив вину за это на своего генерал-адъютанта Д. П. Святополк-Мирский на посту министра внутренних дел из предосторожности вел свой дневник в форме дневника жены, в сущности, диктуя ей почти ежедневные записи*. После смерти Витте в феврале 1915 г. его кабинет в Петербурге был сразу же опечатан, а на даче в Биаррице, на юге Франции, в отсутствие хозяев агенты русской секретной службы за границей произвели обыск. Искали рукопись мемуаров Витте, не зная, что она предусмотрительно спрятана им в сейфе одного из французских банков**. Воспитанный человек, умевший не выдавать своих чувств, царь тем не менее не скрывал своей радости по случаю смерти Витте. После того как тот настоял на издании манифеста 17 октября 1905 г. и первым занял пост главы правительства, царь видел в нем врага самодержавия.

Николай II считал своим долгом передать сыну унаследованную от отца власть в полной ее неприкосновенности. Приверженность самодержавной идее опиралась на многолетнюю традицию, светскую и церковную, консервативную историографию и общественную мысль, наконец, на искреннюю убежденность в необходимости существовавшего строя для всеобщего блага. Царю были глубоко чужды не только принципы народного представительства, но и идея объединенного правительства.

Вплоть до революции 1905 г. в стране не было ни подобия представительного учреждения, ни объединенного правительства: пользуясь исключительным правом созыва существовавшего

* В октябре 1905 — апреле 1906 г. Витте, будучи на посту председателя Совета министров, собрал коллекцию адресованных ему царских распоряжений, связанных с подавлением революции. Николай II потребовал («я бы вас очень попросил») у Витте, уходящего в отставку, вернуть адресованные ему свои записки. Витте «потом очень сожалел», что он это сделал, так как «там потомство прочло бы некоторые рисующие характер государя мысли и суждения» (*Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 349–350).

** См.: *Виттенберг Б. М.* К истории личного архива С. Ю. Витте // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. XVII. Л., 1985.

по закону Совета министров и председательствования в нем, Николай II, как, впрочем, и Александр III, не созывал его, предпочитая принимать министров с глазу на глаз с всеподданнейшими докладами, чтобы не допускать их объединения даже под своим председательством. Революционная угроза заставила царя вступить на путь реформаторства с попытками отказаться от сделанных уступок в периоды спада революционного движения. Очевидно, не отдавая себе отчета в серьезности предупреждения министра внутренних дел Святополк-Мирского о размерах революционной угрозы, царь выхолостил указ 12 декабря 1904 г., собственноручно вычеркнув из него пункт о созыве представительства.

После «Кровавого воскресенья» Николаю II о необходимости государственных преобразований настойчиво твердили с разных сторон. Дважды недвусмысленные беседы на этот счет вел с ним во второй половине января министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов, который по характеру и отсутствию политических амбиций не мог быть заподозрен в стремлении покуситься на часть царских прерогатив, в чем обычно обвиняли Витте. Наконец, 3 февраля царь созвал Совет министров. Открывая заседание, он сказал, что разрывается («мечусь направо и налево») между желанием не делать никаких отступлений от самодержавного образа правления («отложить до более спокойного времени», что скорее всего означало воздерживаться от уступок до последней возможности) и боязнью «потерять все». Упомянув о том, что он вычеркнул из указа 12 декабря 1904 г. пункт о представительстве, Николай II объяснил это «вескими соображениями», которыми он продолжал руководствоваться, сведя их к затейливой формуле: «парламентриляндия адвокатов». Каждый из ее элементов — парламент, Финляндия с ее особым положением и правами, адвокаты — представлял собой раздражавшее его понятие.

Обоснованию ненужности перемен была подчинена и историческая концепция царя («у нас не было феодализма, всегда было единение и доверие»), соответствовавшая почти общепринятому в дореволюционной историографии представлению о традиционном отсутствии противоречий политических интересов в русском обществе. С самого начала Николай II не скрывал своего отношения к представительству («представительства не понимаю. Зем[ский] собор никто не понимает»)*.

* Археографический ежегодник. 1989. М., 1990. С. 296–299.

Появление манифеста 17 октября царь всегда объяснял безвыходностью своего положения. Уже 16 октября он писал одному из своих доверенных лиц генералу Д. Ф. Трепову: «Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей и в конце концов случилось неизбежное. Тем не менее по совести я предпочитаю давать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки придти к тому же»*.

Николай II с ненавистью относился к Государственной думе с момента ее возникновения. Об этом свидетельствуют воспоминания об открытии Думы 26 апреля 1905 года. По словам А. Ф. Кони, сама эта церемония была воспринята представителями царствовавшего дома как похороны самодержавия**. Николай II уже тогда определил свое отношение к только что созданному «парламенту». В день роспуска I Думы царь записал в своем дневнике: «Совершилось! Дума сегодня закрыта»***.

Активное участие принял Николай II в подготовке третьиюньского переворота 1907 года. В письме, доставленном в 2 часа ночи 2 июня 1907 г. из Петергофа в Петербург, где в летней резиденции Столыпина министры ожидали курьера с манифестом о роспуске Думы, царь продемонстрировал, казалось бы, не свойственные ему качества жесткого и решительного политика. «Я ожидал целый день с нетерпением извещения вашего о совершившемся роспуске проклятой Думы, — писал он. — Но вместе с тем сердце чуяло, что дело выйдет не чисто и пойдет взятаяжка. Это недопустимо. Дума должна быть завтра, в воскресенье утром, распущена. Твердость и решимость — вот что нужно показать России. Разгон Думы сейчас правилен и насущно необходим. Ни одной отсрочки, ни минуты колебания!»****.

Сотрудничество самодержавия с I и II Государственными думами оказалось невозможным. Напряженные отношения сохранились у Николая II и с образованным в октябре 1905 г. первым

* Цит. по: Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 144.

** Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 355–359.

*** Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 323.

**** Черменский Е. Д. Указ. соч. С. 408.

Советом министров и его председателем Витте. Их объединяла только необходимость борьбы с революцией. Совет министров имитировал деятельность буржуазного правительства, а Николай II принимал всеподданнейшие доклады министров в строгом соответствии с установившимся ритуалом.

Сотрудничество, или точнее сосуществование, объединенного правительства и представительного учреждения с самодержавием становится более или менее устойчивым только после переворота 3 июня 1907 г. Столыпин — искусный политик — хотел совместить несовместимое: представительство и самодержавие. Многие его проекты государственных преобразований, связанных с завершением реформ 1860-х гг., как, например, было в случае с введением земств в Западном крае, потерпели неудачу. Политика Столыпина вызывала раздражение Николая II, не желавшего считаться с уже возникшими политическими партиями русской буржуазии. Окружение царя настраивало его против Столыпина, как прежде — против Витте, подогревая подозрительность царской четы по отношению к главе объединенного правительства, который при наличии Думы становился влиятельным носителем власти. И хотя царь и царица с энтузиазмом встретили произнесенные Столыпиным слова: «Вам нужны великие потрясения. Нам нужна великая Россия» и вообще премьер Николаю II нравился, однажды за чаем он заметил: «Столыпин был бы рад занять мое место»*.

Витте и Столыпин были мастерами приспособления феодальной формы правления к развивавшимся буржуазным отношениям и прагматиками в политике. Их преемники даже не пытались им подражать. В канун первой мировой войны правительство уже не имело четкой политической программы — ни буржуазно-либеральной, ни консервативной. Во главе его не было государственных людей с достаточно широкими взглядами. Политический курс диктовался интересами дня и принципами, в основе которых лежало стремление если не к реставрации самодержавных порядков, существовавших до 1905 г., то к сохранению главенства царской власти. Именно это было предметом острого конфликта между царем и министрами в 1915 г., когда Николай II уволил с поста Верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича, пользовавшегося расположением думцев, и занял этот

* Вырубова А. А. Указ. соч. // Новый журнал. Т. 130. С. 148.

пост сам. Он отказался удовлетворить требование общественности о создании не только ответственного перед Думой правительства, но и министерства доверия из пользовавшихся поддержкой Думы министров.

Вступление Николая II в должность Верховного главнокомандующего официально объяснялось необходимостью «поднять дух армии». Однако событие это, по свидетельству протопресвитера армии и флота Георгия Шавельского, состоявшего при Ставке Верховного главнокомандования в Могилеве, вызвало ликование только в распутинском лагере. Царь «в военном деле представлял, по меньшей мере, неизвестную величину: его военные дарования и знания доселе ни в чем и нигде не проявлялись», а «его общий духовный уклад менее всего был подходящ для верховного военачальника»*.

В Ставке Николай II значительную часть дня проводил в окружении своей свиты. Он вставал в 9-м часу, занимался туалетом и после утренней молитвы выходил в столовую к чаю, где его уже ожидали лица свиты. В 11 часов царь шел в штаб, на доклад, чтобы ознакомиться с оперативной обстановкой, обсудить и решить с начальником штаба генералом М. В. Алексеевым вопросы, касавшиеся армии. После 12 часов Николай II возвращался во дворец. «Собственно говоря, этим часовым докладом, — писал Шавельский, — и ограничивалась работа государя как Верховного главнокомандующего. Об участии его в черновой работе, конечно, не могло быть и речи. Она исполнялась начальником штаба с участием или без участия его помощников, а государю подносились готовые выводы и решения, которые он волен был принять или отвергнуть. Экстренных докладов начальника штаба почти не бывало. За все пребывание государя в ставке генерал Алексеев один или два раза являлся во дворец с экстренным докладом. Обычно же все экстренные распоряжения и приказания он отдавал самостоятельно, без предварительного разрешения государя и лишь после докладывал о них»**.

В 12.30 начинался завтрак. На высочайших завтраках и обедах присутствовало более 20 человек: великие князья, находившиеся в Ставке, свита, иностранные военные агенты, могилевский

* Шавельский (отец Георгий). Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. I. Нью-Йорк, 1954. С. 324.

** Там же. С. 343–344.

губернатор. Несмотря на военное время, церемония завтраков и обедов была довольно продолжительной. В связи с этим генерал Алексеев попросил освободить его от обязательного присутствия на них. После завтрака царь принимал с докладом министра двора или других министров, если они приезжали в Ставку, а затем, около 3 часов, отправлялся на прогулку в сопровождении дворцового коменданта и некоторых лиц свиты. Обычно отправлялись за город на автомобилях, а затем делали пешком около 10 верст, иногда прогулки совершались на лодках по Днепру.

Между 5 и 6 часами пополудни устраивался чай. Затем Николай II принимал с докладами министров и писал письма. В 7.30 начинался обед. За завтраками и обедами царь обычно выпивал одну-две рюмки водки и один-два стакана вина. После обеда, часто до 9 часов вечера, продолжалась беседа с обедавшими гостями. В 10 часов вечера подавали чай, после чего, если не было спешных дел, играли в кости.

В печать попали сведения о том, что председатель Совета министров Горемыкин (он в «бунте министров» участия не принял) стал ездить в Царское Село к Александре Федоровне с докладами по государственным делам, а она затем в письмах царю в Ставку давала советы, ссылаясь в них еще и на Распутина. В сентябре 1915 г., когда министры выказали свою строптивость на заседании в Могилеве, Николай II произнес: «Что это, забастовка против меня?»*. Смену министров и премьеров он стал производить во все более быстром темпе. Началась «министерская чехарда», а Совет министров стали называть «кувырк-коллегией».

Между тем на фронте и в тылу широко циркулировал и с готовностью распространялся слух о поддерживавшихся Александрой Федоровной, несмотря на войну, связях с ее высокопоставленными германскими родственниками. Она сочла нужным опровергнуть их**. Царь приказал произвести секретное расследование за границей. «Через сеть русских агентов в Швейцарии и Германии» было получено маловероятное объяснение, что слухи эти специально распускались германским Генеральным штабом***.

* Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. Т. 1. Нью-Йорк, 1960. С. 208–209.

** Винберг Ф. Крестный путь. Ч. 1. Корни зла. Мюнхен, 1922. С. 181.

*** Андоленко С. Клевета на императрицу // Возрождение. 1968. 204. С. 111.

После того как Николай II принял на себя Верховное главнокомандование, «из великокняжеской ставка превратилась в царскую». Кроме Николая Николаевича, в Ставке обычно находились Сергей Михайлович, Георгий Михайлович, наказной атаман казачьих войск Борис Владимирович и его брат Кирилл Владимирович. Появлялись в Ставке Александр Михайлович, заведовавший авиационным делом, верховный начальник санитарной части принц А. П. Ольденбургский и другие члены императорской фамилии. Брат царя, Михаил, находился на фронте. Генерал Алексеев жаловался летом 1916 г. Шавельскому, что великие князья мешали работе Ставки. Борис Владимирович потребовал себе особый поезд, разъезжал по фронту и только «беспокоил войска». Великая княгиня Мария Павловна убедила царя предоставить такой же поезд Кириллу Владимировичу, и только энергичный протест Алексеева, объяснившего Николаю II, что «линии все перегружены», а «каждый вагон на счету», помешал этой затее*.

Отставка Николая Николаевича означала усиление влияния императрицы, свиты и «распутинской партии». В устной и письменной форме великие князья предостерегали Николая II и Александру Федоровну от продолжения старой политики. Речь шла не только об устранении Распутина. Николай Михайлович 1 ноября 1916 г. в самой решительной манере потребовал от царя не поддаваться влиянию «темных сил» и самой императрицы. 26 ноября была предпринята попытка повлиять и на Александру Федоровну. Жена Кирилла Владимировича Виктория Федоровна пыталась внушить ей необходимость привлечь в качестве членов ответственного перед Думой правительства Г. Е. Львова, Н. Н. Покровского, А. Д. Самарина, А. В. Кривошеина. Но царица заявила, что все они — враги династии. «Кто против нас? Петроград, кучка аристократов, играющих в бридж и ничего не понимающих. Я двадцать два года сижу на троне, знаю Россию, объездила ее всю и знаю, что народ любит нашу семью», — с возмущением ответила она**.

В царской фамилии нарастал конфликт. На нем не могли не сказаться и давние осложнения в отношениях Николая II с ве-

* Шавельский. Указ. соч. С. 328–330.

** Личность Николая II и Александры Федоровны по свидетельствам их родных и близких // Исторический вестник. Апрель 1917. Т. СXLVIII. С. 170–175.

ликими князьями, вызванные его обязанностью следить за матримониальной стороной их жизни, не допускать заключения ими морганатических браков, то есть женитьбы на особах, не принадлежащих к владетельным домам Европы*. Впоследствии, однако, браки эти Николаю II приходилось признавать. Жена Михаила Александровича стала графиней Брасовой (по названию принадлежавшего ему имения). А вел. кн. Павел Александрович приложил к письму царю с просьбой возвести в княжеское достоинство его жену О. В. Пистолькорс записку Распутина в поддержку своего ходатайства.

Именно влияние Распутина на царя и царицу и довело конфликт в семье Романовых до критической отметки 17 декабря 1916 г. Распутин был убит во дворце Феликса Юсупова, жена-того на племяннице царя, дочери Александра Михайловича и сестры царя Ксении. В организации убийства принимал участие вел. кн. Дмитрий Павлович. Без суда и следствия Юсупов и Дмитрий Павлович были высланы из столицы. Последний был отправлен в Иран в отряд генерала Баратова. Убийство Распутина оказалось своеобразным предвестником надвигавшейся революции. Среди Романовых произошел раскол. Большинство великих князей встало на защиту Дмитрия Павловича. Под но-

* Пожалуй, самой трагикомической стала женитьба брата царя Михаила на Н. С. Вульферт, дочери московского адвоката (по первому браку Мамонтовой). Николай II запретил этот брак, а властям было приказано оказать противодействие его совершению. В начале 1909 г. дворцовой комендатуре стало известно, что великий князь нашел священника, который согласился его обвенчать. Начальник Петроградского охранного отделения Герасимов вызвал этого священника и пригрозил сгноить его в Петропавловской крепости. Когда же великий князь и Вульферт отправились за границу, министр двора Фредерикс послал вслед за ними Герасимова. Ему было предписано в случае, если дело дойдет до венчания, подойти к Михаилу Александровичу в церкви, объявить его арестованным и потребовать немедленного возвращения в Россию. Тем же поездом, что и великий князь, Герасимов выехал в Париж, где в его распоряжение поступили филеры парижского отделения русской заграничной охраны. Но их усилия оказались напрасными. Узнав, что Михаил отправился в Ниццу, где собирается обвенчаться, Герасимов поехал туда, но там получил телеграмму, что великий князь выехал в другом направлении. Через несколько дней выяснилось, что венчание состоялось в Вене (см.: *Герасимова В.* На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 179–180; Брак в. к. Михаила Александровича. Сыскной надзор за братом царя. Док. // Николай II и великие князья. Л.; М., 1925. С. 127–130).

вый, 1917 г., был выслан в имение Грушевку Херсонской губ. и вел. кн. Николай Михайлович.

1 марта 1917 г. он вернулся в Петроград и заявил о своей поддержке Временного правительства. Кирилл Владимирович, кузен Николая II, шафер на его свадьбе и близкий друг Михаила Александровича, в дни Февральской революции первым из великих князей открыто заявил в Таврическом дворце о признании Временного правительства. Через несколько дней он дал интервью корреспонденту газеты «Русская воля». Кирилл Владимирович доволен, сообщал ее корреспондент. «Теперь-то уж я свободен, — сказал ему Кирилл Владимирович, — и могу спокойно говорить по телефону. А раньше прерывали каждую минуту. Мы ведь жили чуть ли не под гласным надзором полиции»*.

Конфликт в семье Романовых накануне Февральских событий отражал общий кризис власти и его парадоксальный характер. Феодальная система семейного управления не только не принесла благополучия и процветания стране, но и тяготила самих членов императорской фамилии.

Пожалуй, главные черты характера Николая II и его облика как государственного деятеля с наибольшей полнотой проявились в его поведении в февральско-мартовские дни 1917 г. сначала в Ставке в Могилеве, а затем в ставке Северного фронта в Пскове. Сообщения о происходивших тогда в Петрограде событиях оценивались царем в Могилеве с опозданием. Хотя 25 февраля он по телеграфу предложил командующему Петроградским военным округом генералу С. С. Хабалову «прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией» (тот истолковал это как приказ стрелять в народ), тревожная запись о событиях в Петрограде и решении вернуться в Царское Село появилась в дневнике Николая II лишь 27 февраля вместе со словами о прогулке по шоссе на Оршу при солнечной погоде**.

В тот же вечер царь пошел как будто на удовлетворение повторенного председателем Думы М. В. Родзянко требования оппозиции о создании ответственного перед Думой правительства***.

* Личность Николая II и Александры Федоровны по свидетельствам их родных и близких. С. 177.

** Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Док. Изд. 2-е, доп. Л., 1927. Репринт. М., 1990. С. 33.

*** Там же. С. 49–52.

С 12 до 2 часов ночи (уже 28 февраля) Николай II разговаривал с генералом Н. И. Ивановым, которого отправлял в Петроград с отрядом для наведения там порядка. Об этом разговоре царский историограф генерал Д. Н. Дубенский писал: «“Я берег не самодержавную власть, а Россию. Я не убежден, что перемена формы правления даст спокойствие и счастье народу”, — так выразился государь о своей сокровенной мысли, почему он упорно отказывался дать парламентский строй. Затем государь указал, что теперь он считает необходимым согласиться на это требование Думы, так как волнения дошли до бунта и противодействовать он не в силах»*.

Придворные выражали «надежду, что предуказанный парламентский строй внесет успокоение в общество»**. Но утром выяснилось, что Николай II имел в виду правительство, ответственное не перед Думой, а перед царем. К тому же назначение министра двора, военного, морского и иностранных дел должно было оставаться его прерогативой***. В сущности он опять отказался от изменений в государственном строе. И только поздно вечером 1 марта главнокомандующему Северным фронтом генералу Н. В. Рузскому, в ставке которого в Пскове оказался не пропущенный к Петрограду царский поезд, удалось склонить Николая II к согласию на создание ответственного перед законодательными палатами правительства.

Полтора часа доказывал Рузский царю, «что он должен пойти на компромисс со своею совестью ради блага России и своего наследника». «Основная мысль государя, — излагал Рузский его возражения, — была, что он для себя в своих интересах ничего не желает, ни за что не держится, но считает себя не в праве передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред родине, а завтра умоют руки, “подав с кабинетом в отставку”. “Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится, — сказал государь, — будут ли министры ответственные перед Думой и Государственным советом — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность”.

* Там же. С. 53.

** Там же. С. 52.

*** Там же. С. 98.

Рузский (в записи его воспоминаний, сделанной генералом С. Н. Вильчевским, он фигурирует в третьем лице. — Б. А., Р. Г.) старался доказать государю, что его мысль ошибочна, что следует принять формулу: “государь царствует, а правительство управляет”. Государь говорил, что эта формула ему непонятна, что надо было иначе быть воспитанным, переродиться, и опять отделился, что он лично не держится за власть, но только не может принять решения против своей совести и, сложив с себя ответственность перед людьми, не может считать, что он сам не ответственен перед Богом. Государь перебирал с необыкновенной ясностью взгляды всех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена в качестве ответственных перед палатами министров, и высказывал свое убеждение, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, — все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей»*.

Тем временем революционная волна в Петрограде достигла такой силы, что «ответственное министерство» не могло уже стать средством удовлетворения общества, подобным манифесту 17 октября 1905 г., на что рассчитывал Рузский. Необходимо было отречение Николая II от престола, и около 10 часов утра 2 марта генерал доложил об этом царю. Решение об отречении, принятое затем Николаем II, далось ему, казалось, легче, чем дарование «ответственного министерства». Один из авторов 20-х гг. объяснял это тем, что для царя власть, ограниченная парламентской ответственностью министров, не имела никакой ценности, «перелицеваться в конституционного монарха на западноевропейский образец» (именно так Рузский оценивал будущее российской государственности) Николай II не мог**.

Во второй половине дня 2 марта царь изменил свое первоначальное решение об отречении в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича и решил отречься в пользу брата. «Расстаться со своим сыном я не способен, — сказал он делегатам Временного комитета Государственной думы А. И. Гучкову и В. В. Шульгину, — Вы, это, надеюсь, поймете»***. Торжественно отметив в 1913 г. 300-летие царствования династии

* Там же. С. 153.

** Там же. С. 17–18.

*** Там же. С. 170.

Романовых, четыре года спустя Николай II в будничной обстановке подписал манифест об отречении, закрыв тем самым последнюю страницу в ее истории.

По законам о престолонаследии царь мог отречься только за себя, но не имел права отречься за сына. Незаконность его решения поняли великие князья. П. Н. Милюков утверждал, что тогда же пришел к выводу, что этот шаг царя являлся умышленным*. Однако Гучков и Шульгин в Пскове, посоветовавшись между собой и не задумываясь о сокровенных замыслах царя, решили с ним согласиться. «Пусть будет неправильность!.. Может быть, этим выиграется время... Некоторое время будет править Михаил, а потом, когда все уgomонится, выяснится, что он не может царствовать, и престол перейдет к Алексею Николаевичу», — рассуждал Шульгин**.

Гучков и Шульгин нашли и другие преимущества отречения в пользу Михаила Александровича. Обстановка в Петрограде накалялась с каждым часом, и нужно было думать уже не только о сохранении монархии, но и о спасении жизни членов династии. Во имя этого могли потребоваться присяга нового монарха конституции либо даже его отречение. Сделать то и другое мог лишь Михаил Александрович, но не малолетний Алексей. Кроме того, при воцарении последнего пришлось бы решать вопрос, останутся ли при нем родители или он будет с ними разлучен. В первом случае отречение могли посчитать фиктивным, а во втором — новый царь полагал бы, что у него отняли отца и мать.

Утром 3 марта манифест Николая II об отречении, с трудом спрятанный от разгневанных рабочих, арестовавших на вокзале Гучкова, был доставлен в дом княгини О. Б. Путятиной на Миллионной ул., где скрытно жил Михаил Александрович, пришедший туда еще 27 февраля, переодевшись простолюдином. Здесь-то и происходили переговоры о дальнейшей судьбе престола.

Отчаянную попытку продлить существование монархии предпринял Милюков при поддержке одного только Гучкова, в то время как всем присутствовавшим было ясно, что она погибла безвозвратно. «Белый, как лунь» Милюков, по словам Шульгина, «каркал, как ворон». «Монарх — это ось... Един-

* Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 270.

** Отречение Николая II. С. 183.

ственная ось страны!», — твердил он, предрекая России гибель без монархии*. «Это была как бы обструкция! — рассказывал другой очевидец. — Милюков точно не хотел, не мог, боялся кончить... никому не давал говорить, он обрывал возражавших ему, обрывал Родзянко, Керенского, всех»**. Милюков позднее, в сущности, подтвердил эти зарисовки, отметив лишь, что Шульгин «немножко преувеличил». «В моем карканьи была все-таки система», — утверждал Милюков.

Хотя у Милюкова не было ни малейших шансов на успех, в своих мемуарах он рассказал, на что рассчитывал в тот момент. Его план состоял в том, чтобы немедленно выехать в Москву и оттуда вести борьбу за сохранение монархии. «Может быть, тот же Рузский отнесся бы иначе к защите нового императора, при нем поставленного, чем к защите старого», — писал он***. Однако Михаил заявил об отказе от престола. Около 4 часов дня отречение им было подписано. В этом акте упоминалось, правда, о возможности принятия им трона по решению Учредительного собрания. Милюкову это служило своего рода утешением («таким образом, форма правления все же оставалась открытым вопросом»****).

Николай II реагировал на отречение брата так, что было видно — весь ужас случившегося был для него не в судьбе трона в тот момент, а в необратимом изменении государственного строя. «Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!», — записал бывший царь 3 марта в своем дневнике*****.

9 марта для него и его семьи началась жизнь под стражей в Царском Селе в условиях постоянно нараставших антимонархических настроений. Пребывание там оказалось прелюдией к затянувшимся странствиям в Тобольск, а оттуда в Екатеринбург. Опасность, угрожавшую ему вследствие стремительного полевения масс, Николай II признавал еще до приезда в Царское

* Февральская революция. Изд. 2-е. М.; Л., 1926. С. 44, 146–159.

** Алданов М. Третье марта // П. Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859–1929. Париж. [Б. г.] С. 31.

*** Милюков П. Н. Указ. соч. С. 317–318.

**** Там же. С. 319.

***** Дневники императора Николая II. С. 625.

Село. Он просил у Временного правительства разрешения остаться там до выздоровления своих детей, болевших корью, а затем проследовать в порт Романов для отъезда с семьей в Англию.

Сообщив об этом 6 (19) марта английскому послу Дж. Бьюкенену, Милюков, являвшийся во Временном правительстве министром иностранных дел, сказал, что просьбы бывшего царя будут удовлетворены, и спросил, делаются ли приготовления к путешествию его в Англию. На следующий день Бьюкенен сообщил в Лондон, что Милюков настаивает на отъезде бывшего царя в Лондон и уверен, что Британия пошлет за ним судно. 9 (22) марта английское правительство приняло решение о приглашении Николая II с семьей в Англию, подчеркнув, что инициатива принадлежит правительству России, и запросив об имущественном положении бывшего царя («Весьма желательно, чтобы Его Величество и его семья имели достаточные средства, чтобы жить в соответствии со своим положением членов императорской фамилии»)*.

Тем временем протесты революционных организаций против отъезда бывшего царя усиливались и встретили отклик в Англии. Король Георг V, двоюродный брат как Николая II (их матери, датские принцессы, были сестрами), так и Александры Федоровны (ее мать и отец короля были детьми королевы Виктории), испугался революционного влияния российских событий и отрицательного отношения английской общественности к приглашению царской семьи. В категорической форме он потребовал от правительства отмены приглашения. Его секретарь писал 6 апреля н. ст. министру иностранных дел лорду А. Д. Бальфуру: «Бьюкенену следует предписать сказать Милюкову, что возражения против приезда сюда императора и императрицы так сильны, что нам следует позволить себе взять назад согласие, ранее данное на предложение русского правительства»**.

Постоянный заместитель министра иностранных дел лорд Ч. Гардинг частным образом обратился к английскому послу в Париже лорду Берти с запросом, не пустят ли бывшего царя во Францию, подчеркивая затруднительность положения английского правительства. Секретарь короля писал Берти, что Георг V был против приезда царя, но правительство приняло предложение

* *Summers A., Mangold T. The File of the Tsar. N.;Y — Lnd., 1976. P. 247.*

** *Ibid. P. 250.*

Милюкова, и теперь публика считает, что это с самого начала было идеей короля. Но Берти ответил, что, по его мнению, прибытие царской семьи во Францию не встретит там одобрения ввиду германофильской репутации Александры Федоровны.

Отказ Англии в приеме бывшего царя с семьей был в апреле-мае даже на руку Временному правительству, опасавшемуся общественного возмущения по поводу отправки их из России, точно так же, как боялся Георг V протестов против их прибытия в Англию. Но к лету Временное правительство повторило запрос, и в июне или начале июля, вспоминая А. Ф. Керенский, Бьюкенен со слезами на глазах сообщил министру иностранных дел об окончательном отказе Англии принять бывшего императора*. «Король Георг захлопывает дверь» — так назвали одну из глав своей книги английские авторы, считающие, что это и «решило судьбу Николая II и всей его семьи»**.

Трагическая судьба последнего российского императора породила обширную литературу, преимущественно эмигрантскую. За последние годы к ней добавились и многочисленные статьи отечественных авторов, причем журналисты и писатели опередили здесь историков-профессионалов. Достоинством гласности стали некоторые факты и документы о злодейском убийстве царя, царицы, их детей, доктора Е. С. Боткина и слуг. Общепринятая версия их гибели заключается в том, что все они были расстреляны в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в доме Ипатьева в Екатеринбурге.

Подтверждающий эту версию следственный материал использован тем из следователей белых властей, который имел возможность довести свои действия до конца*** (другие вынуж-

* Ibid. P. 252. Когда вышли мемуары Керенского, они вызвали взрыв негодования. И бывший премьер-министр Англии Д. Ллойд Джордж, и Бьюкенен возражали Керенскому, утверждая, что согласие на предоставление царю убежища никогда не отменялось. В 1927 г., в ответ на парламентский запрос, Форин оффис, обвинив Керенского во лжи, представило в качестве «не оставляющего сомнений опровержения» ранние телеграммы о предоставлении царю убежища, опустив поздние с отказом. Когда бывший секретарь британского посольства в Петрограде заявил, что помнит о получении из Лондона депеши с отказом, Форин оффис ответило, что ему изменяет память. Но в 1932 г. дочь Бьюкенена рассказала, что ее отец под угрозой потери пенсии должен был пойти в своих мемуарах на фальсификацию, чтобы скрыть истинную подоплеку дела.

** Ibid. P. 245.

*** Соколов Н. А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925.

дены были их прервать по требованию белого командования). Однако полученные в ходе следствия показания, что женская часть царской семьи находилась после 17 июля в Перми, а одна из великих княжен пыталась совершить побег, Н. А. Соколовым не были приняты во внимание. Между тем английские авторы, исследовавшие материал, который оказался в западных архивах, считают, что женщины были убиты лишь в начале сентября*, а до того их судьба была предметом переговоров Советского правительства с Германией, которые вел с советской стороны К. Б. Радек. Никакие документальные данные на сей счет до сих пор не обнаружены.

Саммерс и Мэнгольд подвергли также анализу аргументы Анны Андерсон, которая в течение многих лет претендовала в западных судах на то, чтобы ее признали великой княжной Анастасией, и была даже признана некоторыми членами царской фамилии. Среди этих аргументов представляет интерес утверждение претендентки, что она будто бы видела во время войны приехавшего в Петроград своего дядю, брата матери, герцога Гессенского Эрнста-Людвига. По мнению Саммерса и Мэнгольда, именно это сообщение о деликатнейшей тайной миссии заставило герцога отказаться от участия в опознании.

Английские авторы собрали ряд достоверных подтверждений того, что такая поездка состоялась. По дороге в Россию и в Царском Селе Эрнста-Людвига видели несколько свидетелей, в серьезности которых не было сомнений. Оказалось к тому же, что об этом визите, состоявшемся в 1916 г., рассказывал своим родственникам Вильгельм II, пославший герцога в Россию. Кайзер стремился вывести ее из войны с помощью сепаратного мира, сохранив неприкосновенность царского режима, а не путем разжигания революционного движения, на что уповало и чему содействовало германское правительство. Царь отказался, однако, рассматривать предложения о сепаратном мире**.

Книга Саммерса и Мэнгольда интересна и тем, что авторы исследовали реакцию Антанты и Германии на убийство царской семьи. Что же касается основной мысли авторов, то она, вероятно, не соответствует действительности. Во всяком случае,

* *Summers A., Mangold T. Op. cit. P. 300.*

** *Ibid. P. 218–219.*

недавно опубликованная записка руководившего расстрелом в доме Ипатьева Я. Юровского подтверждает, что вся семья и другие лица были убиты там в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. Об этом же свидетельствует и рассказ двух братьев, чекистов А. Г. и М. Г. Кабановых, участников расстрела, подтверждающий ранее известные показания. Что же касается сообщения о расстреле в Екатеринбурге одного только царя, которое появилось в некоторых документах советских органов, а затем в их публичных заявлениях и даже в частном письме Я. М. Свердлова*, то его можно объяснить только кровавым характером события, желанием скрыть подлинные его обстоятельства.

* Одному из близких ему по партии людей Я. М. Свердлов сообщил, что убит только царь, а семья его переведена в Алапаевск (Письма из 1918 г. // Октябрь. 1982. № 11. С. 175).